

Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?

Посвящается графу Карлу Фёдоровичу Толю

Денис Васильевич Давыдов

*Денис Васильевич
Давыдов*

Кому в России неизвестно имя блистательного гусара, партизана, поэта? Давыдов был мальчишкой, когда Суворов благословил его на воинские подвиги. «Имя моё во всех войнах торчит, как казацкая пика», — острил Денис Васильевич. Но его послужной список впечатляет! Он был адъютантом Багратиона — а значит, сражался там, где опаснее. Он предложил план партизанской войны и командовал партизанским отрядом, наводившим ужас на врага. После наполеоновских войн защищал честь империи в сражениях с поляками и персами. Закончил воинскую службу в чине генерал-лейтенанта. А ещё он вошёл в историю литературы как талантливый поэт пушкинской плеяды, как патриот, воевавший с русофобами не только саблей, но и пером. Военные записки Дениса Давыдова бесценны как историческое свидетельство, как пример просвещённого и страстного патриотизма. Читать его — одно удовольствие.

Два отшиба потрясли до основания власть и господствование Наполеона, казавшиеся неколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двух оконечностях завоёванной и порабощённой им Европы: Испаниею и Россиею.

Наследие

Первая, противостоявшая французскому ополчению, одинокому, без союзников и без Наполеона, сотрясла налагаемое на неё иго при помощи огромных денежных капиталов и многочисленной армии союзной с нею Англии. Последняя, принявшая на свой щит удары того французского ополчения, но усиленного восставшим на неё всем Западом, которым предводительствовал и управлял сам Наполеон, —

Карл Фёдорович Дуз Джордж Толь

достигла того же предмета без всяких иных союзников, кроме оскорблённой народной гордости и пламенной любви к отечеству. Однако ж все уста, все журналы, все исторические произведения эпохи нашей превознесли и не перестают превозносить самоотвержение и великодушное усилие испанской нации, а о подобном самоотвержении, о подобном же усилии русского народа нисколько не упоминают и вдобавок поглощают их разглашением, будто все удаchi произошли от одной суровости зимнего времени, неожиданного и наступившего в необыкновенный срок года.

Двадцать два года продолжается это разглашение между современниками, и двадцать

два года готовится передача его потомству посредством книгопечатания. Все враги России, все союзники Франции, впоследствии предательски на неё восставшие, но в неудачном вместе с нею покушении против нас вместе с нею же разделившие и стыд неудачного покушения, неумоимо хлопотали и хлопочут о рассеивании и укоренении в общем мнении этой ложной причины торжества нашего.

Должно, однако, заметить, что не в Германии, а во Франции возник первый зародыш этого нелепого разглашения; и не могло быть иначе. Надутая двадцатилетними победами, завоеваниями и владычеством над европейскими государствами, могла ли Франция простить тому из них, которое без малейшей посторонней помощи и в такое короткое время отстояло независимость свою не токмо отбитием от себя, но и поглощением в недрах своих всей европейской армады, принадлежавшей ей, ополчившейся с нею и предводительствуемой величайшим гением веков и мира? Нации этой ли, исполненной самолюбия и самохвальства, преследуемой порицаниями и, что ещё чувствительнее, карикатурами и насмешками, более всего для неё несносными, ей ли можно было признаться в истинной причине несостоятельности своей в обещаниях славы и добычи увлечённым ею государствам? И когда! Когда, обладая монополиею словесности, проникающей во все четыре части света, завоеванные её наречием, справедливо почитаемым общим наречием нашего века, она более других народов могла ввести в заблуждение и современников и потомство насчёт приключения, столь жестоко омрачившего честь её оружия, столь насильственно прогнавшего призрак её непобедимости! Будем справедливы; какая нация решилась бы на пожертвование такого преимущества, какая нация, напротив, не поддержала бы посредством его и кредита своего в общем мнении, и славы своего оружия, потрясённых столь неожиданным злополучием?

Франция не пренебрегла этого преимущества и похвально сделала: священнейший долг

Д.В. Давыдов. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?

всякого народа — дорожить своим достоинством, спасать и защищать всеми мерами и всеми средствами это нравственное бытие своё, неразрывно сопряжённое с его бытием вещественным. Но похвально ли для некоторых из нас, ещё более для тех из нас, русских, которые, быв свидетелями, даже действовавшими лицами на этом великолепном позорище, знают истинную причину гибели нахлынувших на нас полчищ, — похвально ли им повторять чужой вымысел для того только, чтобы не отстать от модного мнения, как не отстают они от покроя фраков или повязки галстуков, изобретённых и носимых в Париже? И пусть бы разглашали это городские господчики или маменькины сынки, которым известен огонь одних восковых свечей и кенкетов да запах пороху только на фейерверках. Словам, произносимым подобными устами, награда известна. Но грустно слышать эти же слова от тех самых людей, которым знакомы и чугун, и свинец, и железные острие, как хлеб насущный. Грустно слышать, что те, коих я сам видел подвергавших опасности и покой, и здоровью, и жизнь свою на войне Отечественной, что они приписывают теперь лавры её одной и той же причине с врагами, против которых они так неустрашимы, так ревностно тогда подвизались; что нынче, в угождение им, они жертвуют и собственными трудами, и подвигами, и ранами, и торжеством, и славой России, как будто ничего этого никогда не бывало!

Вооружённый неоспоримыми документами, я опроверг в изданной мною некогда особой книге ложное показание Наполеона, будто в кампании 1812 года лёгкие войска наши не нанесли ни малейшего вреда его армии. Теперь приступаю к другому вопросу, к опровержению того, будто армия Наполеона погибла единственно от стужи, настигшей неожиданно и в необыкновенное время года, а не от других обстоятельств; будто она погибла:

Во-первых, не от искусного занятия нашей армией тарутинской позиции, прикрывавшей хлебороднейшие губернии и в то же время угрожавшей единственному пути неприятельского сообщения, позиции, на которой

князь Кутузов обещанием мира успел усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно ему было для возрождения нашей армии.

Во-вторых, не от заслонения Калужского пути при Малоярославце, чем принудил он Наполеона обратиться на Смоленский путь, опустошённый и неприютный.

В-третьих, не от флангового марша армии от Тарутина до Березины, прикрывавшего, подобно тарутинской позиции, все жизненные и боевые наши подвозы, которые шли к нам из хлебороднейших губерний, и вместе с тем угрожавшего заслонить единственную отступательную черту, невольно избранную неприятелем, как скоро бы он малейше на ней замедлил.

В-четвёртых, не от усилий, трудов и храбрости наших войск, расстроивших единство неприятельской армии при Малоярославце, Вязьме и Красном.

В-пятых, не от чудесного соединения, почти в определённый день у Борисова на Березине, трёх армий, пришедших: одна из-под Москвы, другая из Финляндии и от Пскова, третья из Молдавии и Вольни.

В-шестых, не от истребления подвозов и фуражиров нашими партиями и не от изнурения ежечасными, дневными и ночными тревогами и наездами неприятельской армии этими же партиями, которые теснили её, как в ящике, от Москвы до Немана, не позволяя ни одному солдату на шаг отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи или убежища от стужи.

В-седьмых, наконец, будто армия эта погибла не от неусыпного надзора над нею тех же партий, отчего каждое движение каждой её части было тотчас известно нашему главнокомандующему и встречало противодействие.

Я уже изложил в «Опыте партизанского действия» мнение моё на этот счёт; здесь представлю мнение иностранных писателей,

Наследие

охлаждённое от того отвратительного пристрастия, которым ознаменованы все произведения их, касающиеся до военных подвигов французской армии. Начнём с господина Коха [1]. Он говорит: «Вообще точность замечаний генерала Гурго достойна похвал; но пристрастие к Наполеону увлекает его к защите мнений совершенно ложных. Таково, например, уверение его, что одна стужа причиною злополучия французской армии. Во время похода от Смоленска до Орши стужа во все четыре дня была слабее, нежели в 1795 году, когда северная армия перешла по льду Вааль и овладела голландским флотом в Зюйдерзе; слабее, нежели в 1807 году, когда огромные толпы конницы неоднократно наскоками сшибались на покрытых льдом и снегом озёрах. Следственно, если, по собственному расчёту генерала Гурго, французская армия состояла только в сорока пяти тысячах действовавшего войска по прибытии её на берега Березины, то должно искать иных причин её уменьшения. Они, как кажется, состоят в недостатке распорядительности относительно продовольствия».

Но тот самый Гурго, на которого восстает господин Кох за то, что он все бедствия французской армии приписывает одной стуже, сам себе противоречит, говоря следующее[2]:

«В это время, 22-го октября (3-го ноября нов. ст.), то есть на обратном пути около Вязьмы, французская армия не была ещё в том беспорядке и развратном положении, в каком французский историк старается показать её... До 25-го октября, то есть на обратном пути около Дорогобужа, погода была хорошая и стужа умереннее той, которую мы переносили во время кампании в Пруссии и в Польше в 1807 году и даже в Испании среди Кастильских гор, в течение зимней кампании 1808 года, под предводительством самого императора... Октября 25-го, на обратном пути около Дорогобужа, корпуса армии ещё находились в устройстве; они были составлены из дивизий, бригад и полков, хотя урон, понесённый ими в походе, много убавил численную силу их...

Господин придворный чиновник (граф Сегюр) ошибается ещё и в том, будто бы в Орше беспорядок в армии умножился; напротив, найденные в Орше запасы розданы были войскам, а оттепель, после сильных морозов, сделала биваки сносными... Что касается до сильной стужи, то меру её определить можно тем, что Березина не была ещё покрыта льдом во время переправы через неё».

Господин Шамбре представляет нам следующие изменения термометра [3]: «Октября 15-го ст. ст. — четыре градуса стужи». (Это было на обратном пути от Малоярославца.)

«Октября 23-го — снег, следственно, стужа умеренная». (Это было на обратном пути из Вязьмы.)

«Октября 24-го — снег продолжается». (Это на обратном пути между Вязьмою и Дорогобужем.)

«Октября 25-го — снег сильнее, с ветром, следственно, немного холоднее, чем накануне». (Это было там же и уже около Дорогобужа.)

«Октября 28-го — двенадцать градусов стужи». (Это было на обратном пути между Дорогобужем и Смоленском.)

«Октября 31-го и ноября 1-го — семнадцать градусов стужи». (Это было на обратном пути в Смоленск.)

«Ноября 2-го — стужа гораздо слабее». (Это было на обратном пути, по выступлении из Смоленска к Красному.)

«Ноября 6-го — оттепель». (Это было на обратном пути между Красным и Оршею.)

«Ноября 12-го — оттепель прекращается». (Это было на обратном пути между Оршею и Борисовым.) Он же продолжает:

«Не одна стужа расстроила и истребила французскую армию, потому что второй

Д.В. Давыдов. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?

и девятый корпус сохранили совершенный порядок, невзирая на претерпение такой же стужи, как и главная армия. Стужа, сухая и умеренная, сопровождавшая войска от Москвы до первого снега, была более полезна, нежели губительна. Главные причины злополучия, постигшего нашу армию, были: во-первых, голод, потом беспрерывные переходы и кочевья и, наконец уже, стужа, когда она была сопряжена со снегом. Что касается до лошадей, то сытыми они весьма легко переносят стужу, сколь она ни жестока. Они гибли не от неё, а от голоду и усталости...»

Я уже сказал, и ещё повторяю: сытые лошади переносят кочевье без затруднения, как бы стужа ни была чрезмерна. Итак, не стужа погубила лошадей французской армии, и их пало не до тридцати тысяч в одну ночь, как сказано в одном из бюллетеней... Самая жестокая стужа, в ноябре месяце, продолжалась от 28-го октября до 1-го ноября ст. ст., то есть на обратном пути между Дорогобужем и Смоленском.

Сам Наполеон говорит [4]: «Ещё три дня хорошей погоды, и армия совершила бы в устройстве отступление своё».

Генерал Жомини, в последнем своём сочинении [5] заставляет говорить Наполеона: «Главные причины неудачного предприятия на Россию относили к ранней и чрезмерной стуже; все мои приверженцы повторяли эти слова до пресыщения. Это совершенно ложно. Как подумать, чтобы я не знал о сроке этого ежегодного явления в России!.. Не только зима наступила не ранее обыкновенного, но приход её 26-го октября ст. ст. был позже, нежели как это ежегодно случается. Стужа не была чрезмерна, потому что до Красного она изменялась от трёх до восьми градусов, а 8-го ноября наступила оттепель, которая продолжалась до самого прибытия нашего к берегам Березины: один только день пехота могла переходить по льду чрез Днепр, и то до вечера; вечером оттепель снова повредила переправу. Стужа эта не превышала стужи Эйлавынской кампании: в последней громады конницы носились по озёрам, покрытым

Отступление французов из России. Худ. Б.П. Виллевальде. 1846 г.

Наследие

льдом, и в эту эпоху река была так сильно им схвачена, что могла бы поднять целую армию с артиллерией. Но при Эйлау армия моя не расстроилась, потому что была в крае избыточном и что я мог удовлетворять всем её нуждам. Совсем противное произошло в 1812 году: недостаток в пище и во всем необходимым произвёл разброд войска; многочисленные колонны наши обратились в буйную сволочь, в которой солдаты разных полков были чужды один другому. Чтобы собраться и распутаться, нам надлежало оставаться дней на восемь в укрепленном лагере, снабженном огромными магазинами.

В Смоленске этого нельзя было сделать, и мы должны были погибнуть, потому что оттуда до Вислы не было уже места, довольно безопасного для пристанища, а у Вислы армия уже не существовала... Я прибыл в Смоленск 28-го октября ст. ст. Вся армия собралась 1-го ноября. Она во всем нуждалась. Спеша к Смоленску, как к земле обетованной, как к пределу своего злополучия, что обрела она там? Обрушенные дома, заваленные больными, умирающими, и пустые магазины! Двухмесячное пребывание корпуса маршала Виктора вокруг города, гарнизон, пятнадцать тысяч больных и раненых и проходившие команды издерживали в сутки по шестьдесят тысяч рационов.

Армия вступила в Смоленск толпами и непохожая на себя: трёхдневная, вовсе не чрезвычайная стужа достаточна была, чтобы её частую расстроить».

В примечании сказано: «Стужа во время кампании в Голландии в 1795 году и в Эйлаускую кампанию в 1807 году была сильнее той, которая продолжалась от Москвы до Березины. Но в этих двух кампаниях войска получали пищу, вино и водку, а не каждые сутки, как в последней кампании, кочевали голодными, с уверенностью, что завтра будет хуже.

Так как уже известно, что стужа до Березины была умереннее, а при всём том по прибытии к берегам этой реки у нас осталось не более

пятидесяти тысяч из трёхсот тысяч, которые я привёл на берега Двины и в Москву, то должны быть другие причины столь ужасному злополучию.

Не в пользу мою действуют те, которые порочат моих противников и унижают их подвиги. Они вместе с тем унижают и мою славу и славу французской армии, состоящую в преодолении преград неожиданных. Как бы то ни было, никто не похитит у русских, что, невзирая на разрыв их линии при первом шаге моего вторжения, они умели избежать поражения и отступить тысячу двести вёрст, сохранив все тяжести и не оставив нам ни одного трофея. Если б мы творили одни чудеса, а неприятели наши одни ошибки, то как Барклай и Багратион, выступившие один из Дриссы, другой из Слонима и отдалённые один от другого тремястами тысячами моего войска, — как могли бы они соединиться наперекор моему старанию не давать им соединиться? Как Витгенштейн, начальствовавший над корпусом, вполовину малочисленнее трёх корпусов, действовавших против него, мог бы сохранить угрожающую осанку в течение всей кампании? Не менее сверхъестественно было бы и то, чтоб при непрестанных промахах армия, расстроенная под Бородиным, могла явиться в назначенный час под Красным и схватиться грудью с грудью с нашей армией, как это случилось. Наконец, мог ли неприятель, если бы он не обладал ни военными качествами, ни дарованиями и при начале кампании разделённый и раздробленный на части, — мог ли бы он сообразить и исполнить наступательное соединение обоих крыл и середины армии своей при Березине и к самой решительной эпохе привести из Финляндии и от берегов Прута войска, долженствовавшие оспаривать нам переправу?

Без сомнения, ему воспомоществовали обстоятельства, а против меня восстало всё то, что ему благоприятствовало; но надо быть чрезмерно ненавистливым, чрезмерно несправедливым, чтобы порицать то, что достойно похвал и подражания.

Д.В. Давыдов. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?

Конечно, русские действовали не без ошибок. Главнейшие суть: начальное размещение сил на границе, направление к Дриссе и образ отступления от Смоленска; дознано также, что Кутузов мог бы сделать более того, что он сделал, и будь я на его месте, я бы, верно, не упустил случая истребить армию, возвращавшуюся из Москвы: но, несмотря на излишнюю его осторожность, должно признаться, что он дал искуственное направление движениям своей армии.

Смешно уверять, будто русские совершенно были чужды в нашем злополучии. Правда, злополучию этому причиною не генеральные сражения, выигранные у нас нашими противниками; но как не согласиться в том, что ему способствовало пламенное рвение армии, правительства, народа и генералов, ознаменованное особенно во второй части кампании? Высокопарные ругательства могут иметь временное влияние на чернь и людей несмыслящих: истина господствует над веками!»

Заклучим выписки эти извлечением из известного сочинения сэра Вальтера Скотта [6]:

«Причины такого ужасного события были в ложных расчётах, которые зародились при первых мыслях об этом предприятии и сделались очевидными при первом шаге к приведению их в действие. Мы знаем, что такой способ смотреть на предмет не во вкусе обожателей Наполеона. Веря безусловно словам, которые сам он рассеял, они считают, что их герой ничем не мог быть побеждён, разве одними только стихиями. Об этом объявлено и в двадцать девятом бюллетене: «До 25-го октября ст. ст., говорят там, успехи его были одинаковы, но выпавший тогда снег в шесть дней расстроил дух его армии, отнял мужество у солдат его и, ободлив презрительных казаков, лишил французов артиллерии, фуража и кавалерии и поверг их, хотя русские мало тому способствовали, в то жалкое положение, в каком они вступили в Польшу». Наполеон никогда не выходил из этого уверения, и оно — один из тех пунктов, от которых восторженные его обожатели отступают с крайним нехотением. Но прежде

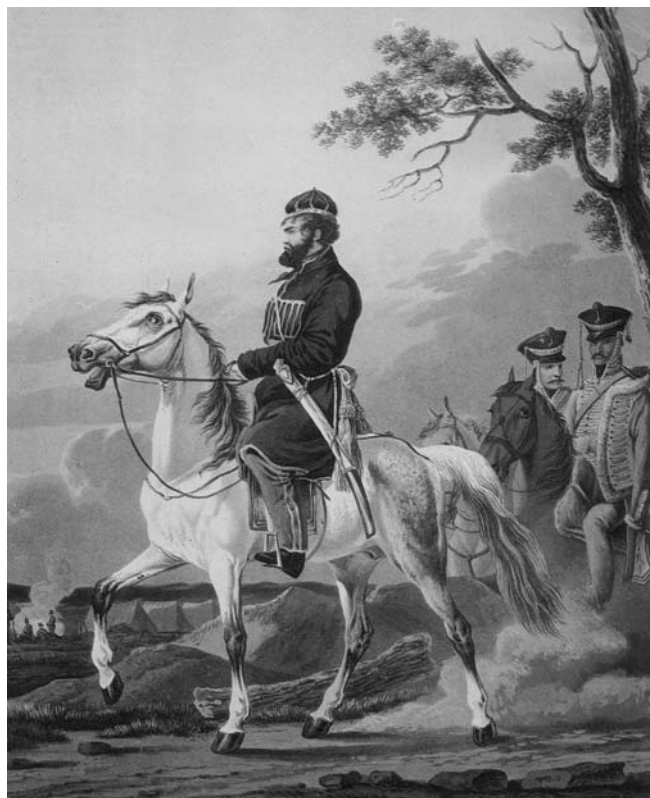
нежели согласиться с их мнением, надобно решить три вопроса:

1) Обыкновенное падение снега или поход чрез страну, покрытую снегом, должны ли непременно сами по себе причинить все те бедствия, которые французы им приписывают?

2) Возможность такого происшествия не должна ли была входить в расчёты Наполеона?

3) Падение ли снега, как бы, впрочем, оно чрезмерно ни было, причиною расстройства армии Боннапарте, или не действие ли климата благоприятствовало скорейшему развитию многих других причин сё гибели, — причин неразлучных с этим походом при самом его зарождении и уже прежде жестокости зимы?

Бесполезно распространяться насчёт первого вопроса. Падение снега, сопровождаемое сильным морозом, недостаточно само собою

Денис Давыдов. Гравюра по рисунку Орловского.

Наследие

для того, чтобы разрушить до основания отступающую армию. Без сомнения, в этом случае солдаты самые слабые должны погибнуть; но целой армии удобнее производить движение зимою, нежели в дождливую погоду».

Тут знаменитый автор представляет некоторые удобства для военного действия зимою, вознаграждающие до некоторой степени нужды, причиняемые суровостью времени.

«Перейдём ко второму вопросу. Если мороз и снег в России суть бедствия непреодолимые, властные уничтожать целые армии, то как же эти обстоятельства не вошли в расчёты генерала, столь знаменитого, замыслившего предприятие столь огромное? Разве в России никогда не идёт снег? Разве морозы в ноябре месяце там редкое явление? Говорят, что морозы начались ранее обыкновенного; мы уверены, что это оправдание не имеет никакого основания; но во всяком случае величайшее безрассудство — подвергать сохранение и целостность всей армии, армии

столь многочисленной и употреблённой на такое важное предприятие, зависимости от мороза, могущего случиться несколькими днями ранее или позднее.

Дело в том, что Наполеон предвидел, что в октябре настанет стужа, так как он в июле предвидел необходимость собрать съестные припасы, достаточные для продовольствия своей армии; но, увлечённый нетерпеливостью, он ни в том, ни в другом случае не принял меры для преодоления ни голода, ни стужи, которые предвидел.

В двадцать втором бюллетене сказано: «Можно ожидать, что Москва-река и прочие реки России замерзнут в половине ноября». Это должно было приготовить императора к снегу и к началу мороза пятью или шестью днями ранее.

В двадцать пятом бюллетене признана необходимость зимних квартир, и император представлен с видом самодовольствия осмат-

Отступление французской армии из России в 1812 году. Ксилография по оригиналу Л. Потта.

Д.В. Давыдов. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?

ривающим вокруг себя, где бы ему избрать квартиры: на юге ли России или в приазненных владениях Польши. «Время прекрасное, — говорит бюллетень, — но должно ожидать холода в первых числах ноября и, следовательно, должно заботиться о зимних квартирах; особенно кавалерия имеет в них нужду». Невозможно, чтобы тот, пред глазами которого составлялись эти бюллетени, или тот, кто составлял их сам, был изумлён выпадением снега 6-го ноября: это такое событие, вероятность которого была предвидена, но против которого не взято было предосторожностей...»

Далее говорит автор о забытии начальством велеть перековать лошадей и запастись подковами.

«В-третьих, хотя, без сомнения, суровость погоды значительно умножала бедствия и потери армии, имевшей недостаток в съестных припасах, в одежде и подвергавшейся всякого рода нуждам, однако ж она не была первою и ни с какой точки зрения главнейшею причиною этих бедствий. Читатель должен припомнить поход чрез Литву: Наполеон, не быв поражён ни разу, потерял десять тысяч лошадей и около ста тысяч людей уже тогда, когда он проходил страну дружелюбною. Разве эта потеря, случившаяся в июне и в июле, причинена ранним снегом, каким называют снег, выпавший 6-го ноября? Совсем нет: причину этому находят, как говорит бюллетень, в неизвестности, в томлении, в маршах и контрмаршах войск, в их усталости, в претерпении нужд, словом, в этой системе усиленных переходов, которая, впрочем, не доставила Наполеону никакой существенной выгоды, — системе, всегда стоившей ему около четвертой части армии, прежде нежели она доводила её до какого-нибудь сражения [7]. Если предположим, что он оставил на обоих флангах и позади себя силу из ста двадцати тысяч человек, под командою Макдональда, Шварценберга, Удино и других военачальников, то он начал настоящее шествие на Россию с двумястами тысячами. Половина этой значительной силы погибла прежде прибытия его в Москву, в которую он всту-

пил с сотнею тысяч человек. Усталость погубила множество, битвы и гошпитали поглотили остальных.

Наконец Наполеон покидает Москву 7-го октября (ст. ст.), как город, где ему нельзя уже было оставаться, хотя выход оттуда, как он предвидел, был сопряжён с значительными затруднениями. Тогда находилось под его начальством около ста двадцати тысяч человек. Армия его умножена была до этого числа присоединением к ней выздоровевших бродяг и команд, прибывших из резервов. Он дал сражение бесполезное, хотя и с честью выдержанное, при Малоярославце; не успел пробить себе дороги к Калуге и Туле и принуждён был бежать чрез Бородино по разграбленной и опустошённой Смоленской дороге. На этом пути он дал сражение под Вязьмою, в котором потеря французов была весьма значительна; его колонны были беспрестанно тревожимы казаками, и он лишился многих тысяч пленными. Два сражения, столь кровопролитные, не считая притом разбития Мюрата и беспрестанно возобновляемых стычек, стоили французам убитыми и ранеными — потому что каждый раненый был уже погибшим для Наполеона, — по крайней мере двадцати пяти тысяч человек. Наконец наступило 25-е октября. До того дня ещё не видали клокка снега, который в самом деле пошёл тогда уже, когда Наполеон испытал большую часть бедствий, потому что в то время фланги его и резерв уже выдерживали жестокие сражения и понесли большие уронны, не получив никакой существенной выгоды. Таким образом, почти три четверти армии, которую он привёл в Россию, были разрушены, а оставшая четвертая часть приведена была в жалкий беспорядок ещё до выпадения снега, которому он потом за благо рассудил приписать неудачу свою.

Конечно, когда наступила чрезмерная стужа, тогда нужды и потери французской армии ещё умножились; но зима была только союзницею русских, а не как тогда думали, единственною их защитницею: отступление Наполеоновой армии совершилось под острями

Наследие

казачьих пик прежде, нежели морозы Севера понудили её к отступлению».

Из всех этих выписок можно заключить следующее: Неприятельская армия, выступив из Москвы 7-го октября ст. ст., шла хорошою погодою, по словам г. Шамбре и г. Жомини, до 28-го октября, то есть двадцать одни сутки, а по словам Гурго — до 25-го октября, то есть семнадцать суток. Но от этого числа армия в течение трёх суток, по словам Шамбре, Жомини и самого Наполеона, или в течение пяти суток, по словам Гурго, претерпела стужу, которая, по термометрическому наблюдению Шамбре, простиралась от двенадцати до семнадцати градусов, а по словам Жомини, от трёх до восьми градусов. Далее все писатели соглашаются уже в том, что во время переходов французской армии от Смоленска до Орши стужа весьма уменьшилась, и если позволено мне прибегнуть к моей собственной памяти, то смело могу уверить, что тогда морозы простирались от двух до четырёх градусов. Наконец, Шамбре, Гурго и Жомини соглашаются в том, что от Орши до Березины продолжалась оттепель. Последний упоминает даже об опасности, представлявшейся при переправе через Днепр под Оршею 8-го [ноября]; а мы помним, что, при переходе чрез эту реку корпуса Нея, при Гусинове, большая часть его тяжестей и некоторая часть войска этого отряда обрушилась под лёд и погибла.

Итак, во всё время шествия французской армии от Москвы до Березины, то есть в течение двадцати шести дней, стужа, хотя и не чрезвычайная (от двенадцати до семнадцати градусов), продолжалась не более трёх суток, по словам Шамбре, Жомини и Наполеона, или пяти суток, по словам Гурго. Между тем французская армия при выступлении своём из Москвы состояла, по списку французского главного штаба, отбитому нами во время преследования, из ста десяти тысяч человек свежего войска, а по словам всех историков кампании, представляла только сорок пять тысяч по прибытии своём к берегам Березины. Как же подумать, чтобы стодесятитысячная армия могла лишиться шестидесяти пяти

тысяч человек единственно от трёх- или пятисуточных морозов, тогда как гораздо сильнейшие морозы в 1795 году в Голландии, в 1807 году во время Эйлауской кампании, продолжавшиеся около двух месяцев сряду, и в 1808 году в Испании среди Кастильских гор, в течение всей зимней кампании, скользили, так сказать, по поверхности французской армии, не проникая в середину её, и отстали от ней, не разрушив ни её единства, ни устройства?

Всё это приводит нас к тому уверению, что не стужа, а другое обстоятельство — причину разрушения гигантского ополчения.

Читая представленные мною выписки, можно ясно видеть согласие всех историков кампании насчёт причин события. Они полагают, что эти причины состоят: во-первых, в голоде, претерпенном французской армией; во-вторых, в непрерывных усиленных переходах и, в-третьих, в кочевье под открытым небом.

Соглашаясь отчасти с ними, я предлагаю вопрос: что обыкновенно производит голод в армиях? Действование или шествие армии по безлюдному или опустошённом краю без обозов, наполненных съестными припасами, или, как технически их называют, без подвижных магазинов?

Казалось, что это двойное несчастье не должно было угрожать французской армии, потому что, при выступлении её из Москвы, она, по словам самого Наполеона, несла на себе и везла с собою на двадцать дней провианта [8]. Сверх того, как всем известно, она имела намерение и напрягала все усилия, чтобы, прибыв прежде нас через Малоярославец в Калугу, идти оттуда на Юхнов и Рославль к Днепру, по краю неведимому и изобилующему съестными припасами, и быть преследуемой нашей армией с тыла, а не сбоку, как это случилось.

Таким образом, французская армия никогда бы не имела недостатка в пище; переходы её могли бы быть производимы без поспешности,

Д.В. Давыдов. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?

потому что никто не угрожал бы пресечением пути её отступления, и производимы под прикрытием сильного арьергарда, которого войска сменялись бы чрез каждые несколько дней свежими войсками; она была бы в возможности беспрепятственно располагать на квартиры если не все свои корпуса, то по крайней мере большую часть их, что доставило бы покой её войскам на ночлегах и укрыло бы их от стужи. Малою недоставало, чтобы не удалось это предприятие. Уже снабжённая, как я выше сказал, на двадцать дней провиантом, обогнув потаённо оконечность левого фланга нашей армии, занимавшей тарутинскую позицию, французская армия почти касалась до той точки, от которой можно было ей отступить в довольствии всего и никем не тревожимой. Вдруг партизан Сеславин выхватывает солдата из колонн главной французской армии, даёт о том знать Ермолову, находившемуся с корпусом Дохтурова в Аристове; тот немедленно извещает Кутузова и сам спешит занять Малоярославец до его прибытия; Кутузов с своей армией летит от Тарутина туда же и заслоняет Наполеону Калужский путь, отбивает его от избыльного края, по которому он намеревался следовать, и принуждает его предпринять отступление по пути опустошённого. Ещё при французской армии находилось на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскоре исчезает. Кутузов бросает вслед за нею всю свою лёгкую конницу, и в трое суток не остаётся у неприятеля ни одной подводы с провиантом. Наконец представляется последний способ к прокормлению этой армии: в некотором расстоянии от опустошённого пути, по которому прошла она летом, находились ещё деревни, но совершенно ограбленные; они могли бы снабдить её хоть малым количеством пищи. Но и на фуражирование в этих деревнях нельзя было ей решиться с тех пор, как многочисленная лёгкая конница наша окружила её своими толпами, истребляя всё, что осмеливалось отделяться на один шаг от большой дороги. И вот французская армия идёт по опустошённому пути, без обозов, наполненных пищею, и не смеет посылать фуражиров в придорожные деревни. Что же этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутине, заслоне-

ние Калужской дороги при Малоярославце, отстранение неприятельской армии от края, избыливающего съестными припасами, принуждение его идти по Смоленскому разорённому пути, взятие нашей лёгкою конницею неприятельских обозов с пищею, окружение ею французских колонн от Малоярославца до Немана, не дозволившее ни одному солдату отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи и приюта.

В таком положении Наполеону необходимо было спешить к магазинам своим в Литве; но как спешить с войском, у которого нечем подкрепить себя после каждого перехода и которое, следственно, становится с каждым днём неспособнее к физическим усилиям? Как было, между тем, и медлить для отдохновения или делать короткие переходы? Отдохновения, как бы ни продолжительны, переходы, как бы коротки ни были, а все не в состоянии без пищи подкреплять сами собою человека голодного! К тому ж и вот где сказывается превосходство флангового марша Кутузова; чем продолжительнее были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чем переходы были бы короче, словом, чем медленнее происходило бы движение до Литвы, тем Кутузов, следуя с своею армией параллельно французской армии по краю избыльному и никем ещё неприкосновенному, по которому вначале намеревался следовать Наполеон, более и более опережал бы его, угрожая бы заслонением единственного пути отступления — по Смоленской дороге. Итак, непрерывные переходы, которые, по словам иностранных писателей, были, не менее голода, причиною гибели французов, произошли от той же причины, от которой и голод, с прибавлением к ней ещё флангового марша Кутузова, грозившего заслонить им путь отступления. Что касается до кочевий под открытым небом, то и они — следствие общей причины, произведшей и голод и непрерывные переходы: путь, по которому, против воли своей, долженствовала следовать французская армия, разорённый отчасти русскими войсками во время нашего отступления летом и окончательно опустошённый неприятелем, нас преследовавшим, не представлял

Наследие

ни избы, ни сарая для приюта; а непрерывный надзор и наезды лёгкой конницы нашей и поспешность, необходимая для достижения края, более изобилующего съестными припасами, не позволяли французам ни отделять малые части войск за черту большой дороги для отыскания себе приюта, ни отстранять большой громады войск от прямого пути, чтоб не увеличить окружными путями расстояния, отделяющего армию от избранной ею меты.

Словом, подведя к одному знаменателю все три причины гибели французской армии, мы видим, что гибель произошла, как я выше сказал, из отстранения неприятельских сил Кутузовым от изобильного края, но которому хотели они следовать; от обращения их на путь опустошённый; от успешного действия лёгкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы с пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться с большой дороги для отыскания пищи и убежища; наконец, от флангового марша нашей армии, который угрожал Наполеону пресечением единственного пути отступления. Но неужели можно ограничить гибель французской армии этими причинами? Если б было так, то ни одно ружье, ни одна пушка в русской армии не закопчилась бы порохом; ни одна сабля, ни одна пика не облились бы кровью неприятельской, — а мы помним кровопролитные битвы под Тарутиным 6-го октября, под Малоярославцем 12-го октября и под Красным 5-го и 6-го ноября; я не говорю уже о каждодневных сшибках неприятеля с отдельными отрядами и даже с корпусами нашими.

Соединив три приведённые причины со всеми этими битвами, мы можем подвести приблизительный итог урону французской армии, согласить наши исчисления с показаниями историков кампаний и насчёт количества неприятельских сил, погибших во время отступления от Москвы до Березины, и насчёт того числа, которое прибыло к берегам этой реки, и этим заключить рассуждение.

Вальтер Скотт полагает, что урон французской армии в сражениях при Малоярославце

и при Вязьме простирался до двадцати пяти тысяч человек: это чрезмерно! Я считаю, что это число тогда только будет верно, когда мы к двум сражениям при Вязьме и Малоярославце присоединим сражение при Тарутине, сшибку Платова при Колоцком монастыре и другие частные битвы, случившиеся до Смоленска.

Потом, по официальным спискам пленных, которые взяты были под Красным, спискам, составленным при отправлении пленных в недра России, — следственно, в верности не подлежавших ни малейшему сомнению, — мы видим, что число их состояло в двадцать одной тысяче ста семидесяти нижних чинах и трёхстах офицерах.

Наконец, полагая слишком восемнадцать тысяч человек, что весьма умеренно, взятых и убитых лёгкою конницею, взятых и убитых крестьянами, замерзших и погибших на полях сражений от Смоленска до Березины, — мы удостоверимся, что французская главная армия действительно подошла к Березине в числе сорока пяти тысяч человек и что из ста десяти тысяч, выступивших из Москвы, пропало шестьдесят пять тысяч человек, — но не от одной стужи, как стараются в том уверить нас неловкие приверженцы Наполеона или вечные хулители славы российского оружия, а посредством, что кажется, я достаточно доказал, глубоких соображений Кутузова, мужества и трудов войск наших и неусыпности и отваги лёгкой нашей конницы. Вот истинная причина гибели неприятельской армии, не что другое; все прочее есть выдумка, соображенная не без искусства, потому что её изобретатели знали, что делают, смешивая две эпохи отступления, столь резко различающиеся между собою. И подлинно, общее выражение: «армия Наполеоновская погибла от стужи и мороза», это выражение, сливающее в одно и эпоху её отступления от Москвы до Березины и эпоху отступления её от Березины до Немана, — самым смешением двух эпох сокрывает истину, облакая её неоспоримым фактом: стужею и морозом, в некотором отношении не чуждым истреблению французской армии. Внимание слушателей

А. Черкасов. Боевой дух русского воинства

и читателей, легко привлекаясь к этому факту, ощутительнейшему и, следовательно, более постигаемому, чем факт отвлеченный, состоящий в соображениях и в разборе движений военных, прилепляется к нему всею силою убедительности, не требующей размышления.

Но чтобы извлечь истину из этого ложного состава, следует только, отделив одну эпоху от другой, прибегнуть к вопросу о времени наступления губительного феномена природы: наступило ли оно в первую или во вторую эпоху отступления неприятеля, или свирепствовало оно в обе эпохи?

Доказано же, что в течение двадцати шести дней, составляющих первую эпоху, мороз от двенадцати до семнадцати градусов продолжался не более трёх или пяти суток, а во второй — мороз достиг от двадцати до двадцати пяти градусов и продолжался двадцать два дня, почти беспрерывно.

Так, в первой эпохе влияние холода было весьма слабо на неприятельскую армию; во второй — истинно для неё губительно.

Но дело в том, что уже в конце первой эпохи, то есть уже у берегов Березины, армии не существовало: я говорю об армии в смысле военном, об армии, вооружённой, устроенной, твёрдой чиновнослушанием и, следовательно, способной к стройным движениям и битвам. Единая часть её, ещё находившаяся в этом положении, состояла из корпусов Удино и Виктора, пришедших от Полоцка, совершивших свой переход в одно время с главной армией, которая бежала от Москвы к Березине подобно ей, перенёсших трёх-

или пятисуточный мороз и нимало не потерявших от этого ни своего устройства, ни числительной силы, потому что причины, разрушившие и устройство и числительную силу главной армии, не существовали при отступлении корпусов Удино и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то есть когда все эти войска перешли за Березину и настала смертоносная стужа, тогда, как я сказал, армии, в смысле военном, уже не существовало, и ужасное явление природы губило уже не армию, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся без начальства, без послушания, без устройства, даже без оружия; или губило армию, приведённую в такое положение не стужей и морозами, а причинами, которые здесь представлены.

И на всё сказанное мною не опасаясь возражений, — вызываю их; бросаю перчатку: подымай, кто хочет!

Комментарии и примечания

1. Examen critique de l'histoire de Napoleon et de la grande armee par le comte de Segur et da la critique qu'en a faite le general Gourgaud.
2. Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Segur, par le general Gourgaud.
3. Histoire de l'expedition de Russie, par M* (Chambrey). Tome III.
4. Memoires pour servir a l'histoire de France, par Napoleon, publies par Montholon. Tome II, page 113.
5. Vie politique et militaire de Napoleon. Tome IV.
6. Vie de Napoleon Bonaparte, par Sir Walter Scott. Tome IV.
7. Мнение совершенно ложное (замечание сочинителя статьи).
8. Memoires pour servir a l'histoire de France, par Napoleon, publies par Montholon. Tome II, page 113.

